Елена Гоголева

В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

Мои удивительные встречи

Творчество известной актрисы, народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда Елены Николаевны Гоголевой — это эпоха в истории советского театра, да и всей нашей культуры. Ее судьба неразрывно связана с Малым театром.

Всю жизнь сопровождало Елену Николаевну и другое актерское увлечение — чтение стихов. Мы публикуем отрывок из книги Гоголевой «На сцене и в жизни» (она выходит в издательстве «Искусство»), в котором актриса вспоминает о своих личных встречах с известными поэтами.

ПРОЧИТАЛА «Алмазный мой венец» В. П. Катаева и вспомнила все мои встречи с блестящей плеядой первых советских писателей и поэтов. Я не была особенно близка с ними, но следила за новыми советскими стихами и прозой, включая их в мой концертный репертуар. Были и личные знакомства.

Так, с Маяковским познакомилась в Евпатории. Как-то вечером сидели мы с Всеволодом Аксеновым на приморском бульваре и обсуждали предстоящее выступление Маяковского — о нем везде были расклеены афиши. Конечно, мы знали Владимира Владимировича, но один раз слушали его в Москве, в переполненной аудитории Политехнического музея, но лично знакомы не были. И вдруг на аллее появляется сам Маяковский и направляется к нашей скамейке. Мы замерли, ибо только что говорили о нем, о его манере чтения, его бурных спорах с публикой и вообще о его, как нам казалось, «обходительном и вежливом» отношении к нам — актерам-чтецам. Маяковский поздоровался, мы ответили. Пауза. И вдруг Владимир Владимирович совсем не озорно, даже почти робко спрашивает: «Вы пойдете на мой вечер?» Я беру инициативу в свои руки и вежливо, но с чуть заметной иронией отвечаю: «Не думаю. Ведь вы так не любите, когда мы, актеры, читаем стихи, еще, пожалуй, будете с эстрады нас ру-

гать». Маяковский, стоявший перед нами, как провинившийся школьник, опять тихо говорит: «Но ведь вы действительно очень плохо читаете стихи, а особенно мои». Мы расхохотались, настолько не вязалась вся его фигура с этой суровой оценкой.

Но то ли наш веселый смех помог, то ли доброе настроение, хороший вечер, чудное море, — словом, атмосфера стала товарищеской, добродушной. Стали спорить о манере чтения, Маяковский все стоял перед нами, а мы, подпадая под его обаяние, — уж очень он не был похож на хулиганистого Маяковского, которого мы иногда видели на его вечерах, — доказывали, что нельзя слушать чтение поэтов. Потом перешли на другие темы, и вдруг опять: «Я очень вас прошу, пожалуйста, приходите на мой вечер». Так просто, хорошо. «Я, ей-богу, ругаться не буду, приходите». Снова посмеялись, но мы уже чувствовали себя друзьями и, конечно, обещали прийти.

И вот его вечер. Нас уже знали, поэтому мы старались быть как можно более незаметными, сели где-то в пятом — седьмом ряду. Вышел Маяковский. Встретили его, как всегда: кто дасторожено, кто с возмущением, а кто с интересом, ожидая какой-нибудь скандальной выходки. Владимир Владимирович, мне кажется, нас не заметил, спокойно снял пиджак, повесил на спинку стула и начал читать. Ну, что говорить, читал он великолепно. Ясная мысль, чудесный голос, его рифмы и чувствовались, и не засловляли смысла. Хорошо читал, много, принимали его прекрасно. Мы были горды, что знакомы с ним, п его обаяние захватило нас совершенно. Но вот программа кончена, и полетели записки, на которые Маяковский всегда отвечал в конце вечера. Ответы его были остроумны, иногда резковаты, однако пока все шло хорошо. Но вот попала записка об актере с большим именем: желали слышать о его исполнении стихотворения, только что самим Маяковским прочитанного. Последовала пауза, и вот примерно

ответ: «Ну, этот (имярек) еще ничего, грамотный, а вообще-то актеры ни черта в стихе не смыслят, поют, руками машут, не понимают, что ли, о чем читают!» И пошел, и пошел. Мы не знали, куда деваться. Уйти как будто неудобно, а слушать все это тоже неладно.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день на пляже мы на него накиннулись: «Что же вы — звали, а потом так разругали, что мы едва до дома дошли». «Так я же не вас ругал, я вообще заявляю: «Вы читаете наши стихи! Читайте стихи, — и все это с искренним изумлением. — Я же вас не называл!» — «Еще бы называли!» Но опять его обаяние и весь нелепый вид в трусах на пляже — ну какая тут обида! Слова хороший, веселый, интересный разговор и, конечно же, игра в маджонг — тогда была такая модная игра: что-то вроде домино, но с нарисованными китайскими фигурами, очень азартная. Говорили, что в Китае она запрещена и виновным за нее чуть ли не рубили головы. Маяковский очень любил эту игру, и каждый день, пока шли его концерты (дней семь—десять), мы встречались на пляже и с удовольствием играли в маджонг, загорали и по-настоящему подружались. Но на концерты его мы не ходили, несмотря на все его уверения, что больше он нас ругать не будет. В Москве встретиться как-то не пришлось. И только один раз видела его через стеклянные двери кафе в проезде Художественного театра. Было это зимой (его последняя зима), я постеснялась войти в кафе и подсесть к нему, а он мне показался грустным, сумрачным, совсем не таким, каким был в Евпатории.

Мы с Всеволодом шли в той многотысячной толпе, которая провожала его в последний путь.

С Есеевыми мне познакомилась не довелось. Окружавшая его богемная обстановка меня пугала, сказывалось и институтское воспитание. С Демьяном Бедным я была знакома, читала его стихи, да и присутствие

в нашей труппе его жены, актрисы Назаровой, способствовало этому. Бывала я у Городецкого, хотя не исполняла его стихов. Помню, те несколько посиделок, которые состоялись у него, были и интересны, и по-дружески приятны. Больше знал его и дружил с ним в те годы Всеволод Аксенов.

Раз во время какого-то спектакля раздался стук в мою грим-уборную. Вошли два молодых человека и смело расселись на диване. Потешаясь над моим ошеломленным видом, они заявили: «Вы читаете наши стихи! Это хорошо. Вот мы и решили с вами познакомиться. Я — поэт Жаров, а это — поэт Уткин!» Я действительно часто включала в свой репертуар их стихи. В общем, знакомство состоялось. Но, к сожалению, продолжилось не очень долго. Часто при встречах мы вспоминали их бесперомное вторжение. Я всегда недоумевала, как им удалось пропикнуть за кулисы театра — в те годы это было совсем не легко. Они давали мне свои стихи, но вскоре моя болезнь, а потом война, на которой погуб Уткин, прекратили наши встречи.

Помню, как я волновалась на каком-то поэтическом концерте. Выступал Луговской, а потом и я читала его стихи. Но он быстро уехал, кажется, сразу же после своего выступления, так что мы ограничились знакомством в президиуме. Он спросил, что я буду читать, и сказал, что слышал от кого-то о моем оригинальном исполнении его «Поведа» — я точно воспроизводила в стихах ритмическое звучание колес вагона. Ему это нравилось.

С Асеевым встречалась лишь на литературных вечерах. Я часто бывала в Политехническом, где выступали поэты. Особое внимание привлекал Пастернак. Нас сближала любовь к Грузии. Иногда мы виделись у грузинских товарищей, а совсем близко познакомилась, когда в Малом шел «Макбет» в его переводе... Такими были мои литературные встречи.